

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 110–113

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 110–113

<https://bonjour.sgu.ru>

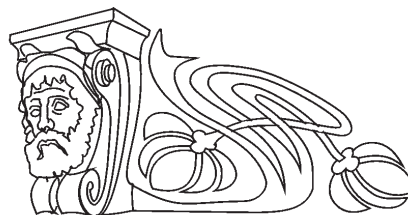
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3:821.581.09+929Шукшин

Изучение произведений Василия Шукшина в китайском литературоведении

Мэн Ци

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Мэн Ци, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, 934329397@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9383-1633>

Аннотация. Предмет исследования данной работы – основные темы и идеи русской деревенской прозы как направления, наиболее полно отражающего сущность русского национального менталитета. Этическая проблематика является неотъемлемой частью произведений Василия Шукшина. В новеллах В. Шукшина репрезентованы мудрость, добродетель и жизненный опыт русского сельского жителя, осуществлена попытка обозначить духовные основы. Писатель стремится найти основы крестьянского мира. Произведения Василия Шукшина известны не только в России, но и во всем мире. По окончании китайской «культурной революции» новеллы В. Шукшина были переведены и на китайский язык, оказав существенное влияние на творчество современных китайских писателей литературы новой эпохи. В период социальных преобразований в Китае и Советском Союзе большое количество крестьян покинули деревню и устремились в города, при этом их земли оказались в заброшенном состоянии, изменилось и само отношение человека к земле. Эти процессы не могли не тревожить писателей двух стран, размышляющих в своих произведениях об отношениях между человеком и природой, о национальной исторической памяти, о связи традиции и современности. Таким образом, проблема изучения рецепции творчества В. Шукшина в Китае представляется весьма актуальной. Используемые исторический и биографический методы дают ключ к пониманию авторского наполнения таких национальных русских концептов, как «дом», «тоска», «душа», «совесть», «судьба». и демонстрируют взгляды китайских литературоведов на творчество русских писателей данного направления. В научный оборот вводятся работы китайских литературоведов.

Ключевые слова. деревенская проза, философские основы творчества, образ «чудика», тема нравственности в литературе

Для цитирования: Мэн Ци. Изучение произведений Василия Шукшина в китайском литературоведении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 110–113. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Studying the works of Vasily Shukshin in Chinese literary criticism

Meng Qi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Meng Qi, 934329397@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9383-1633>

Abstract. The subject of this work is the main themes and ideas of Russian country prose – the school that most fully reflects the essence of the Russian national mentality. Ethical issues are an integral part of the works of Vasily Shukshin. V. Shukshin's novellas represent the wisdom, virtue and life experience of a Russian villager, an attempt is made to identify the spiritual foundations. Writers strive to find the foundations of the peasant world. Vasily Shukshin's works are known not only in Russia, but all over the world. At the end of the Chinese Cultural Revolution, V. Shukshin's novellas were also translated into Chinese and had a significant impact on the work of modern Chinese fiction writers of the new era. During the period of social transformations in China and the Soviet Union, a large number of peasants left the village and rushed to the cities, while their lands were abandoned, and the very attitude of man to the land changed. These processes could not but disturb the writers of the two countries, reflecting in their works on the relationship between man and nature, on national historical memory, on the connection between tradition and modernity. Thus, the question of studying the reception of V. Shukshin's creativity in China seems to be very up-to-date. The historical and biographical methods provide a key to understanding the author's content of such national Russian concepts as 'home', 'melancholy', 'soul', 'conscience', 'fate' and demonstrate the views of Chinese literary scholars on the oeuvre of Russian writers of this school. The works of Chinese literary critics are introduced into the scientific circulation.

Keywords: country prose, philosophical foundations of creativity, the image of the 'weirdo', the theme of morality in literature

For citation: Meng Qi. Studying the works of Vasily Shukshin in Chinese literary criticism. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 110–113 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Деревенская проза – явление, связанное с описанием не места жительства (села), а сущности, которая выявляется не только на уровне образа героя, но и на уровне эстетического идеала. Он сформировался в этой прозе на основе крестьянского мироощущения в его мирной общечеловеческой сути и связан с самой широкой культурой (особенно славян), выросшей из поэтических воззрений землепашцев и пастухов. Сельский житель, обихаживая землю, возвращая урожай, поддерживает саму жизнь земли. Еще древние славяне полагали, что главный обряд для земледельца – сам его труд на своей земле. Благодаря цельности совместного с ней бытия рождается ясность сознания, жизнь наполняется простым и высоким смыслом. Широта и бескрайность русских просторов не в последнюю очередь сформировали русский характер, но эта широта видна и чувствуется именно на сельских горизонтах, и поэтому ментальность характера родом из деревни.

Деревенская проза по праву считается уникальным явлением русской культуры второй половины XX столетия. Приход в литературу плеяды таких талантливых писателей, как В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, совпал с драматическим периодом национальной истории, получившей название «раскрестьянивание»: крестьянская Россия с характерной философией, эстетикой, формой труда и быта безвозвратно исчезла за долгие годы «раскулачивания», сталинских репрессий, уничтожения «неперспективных» деревень. Сами понятия «крестьянство» и «деревня» стали вытесняться из национального самосознания. Тревога за дорогой сердцу мир русской деревни, трагическое осознание национального раскола и грядущей катастрофы соединяются в произведениях 1960–1980-х гг., посвященных деревне, с прославлением незыблемых, вековых основ народной жизни, духовно-нравственных традиций крестьянского мира. Замечательный писатель XX в. С. Залыгин в «Интервью у самого себя» писал: «Я чувствую корни своей нации именно там, – в деревне, в пашне, в хлебе самом насущном. Неужели наше поколение – последнее, которое своими глазами видело тот тысячелетний уклад, из которого мы вышли без малого все и каждый?» [1, с. 12].

Писатели-«деревенщики» искали первооснову народной жизни, корни, связывающие людей в народ и придающие смысл существованию человека и страны. А. Разувалова очень точно заметила, что «писатели “деревенщики”, с одной стороны, подхватили знамя крестьянского романтизма русских писателей XIX века, а с другой – по силе художественного воздействия и гуманистического пафоса – встали на равных с Ф. Достоевским, но с собственной любовью и собственным сочувствием к униженному и оскорбленному человеку земли» [2].

Творчество писателей деревенской прозы вызывает огромный интерес в Китае, романы и рассказы В. Астафьева, В. Распутина, В. Шук-

шина широко издаются, изучаются китайскими литературоведами. Китайская литература новой эпохи подвергалась значительному влиянию советской литературы, в творчестве китайских и советских писателей было много созвучных сюжетов, тем и форм.

Очень значительным оказалось влияние на творчество китайских писателей произведений В. Шукшина. Герои, темы, сюжеты, народная культура, представленные в его творчестве, были тепло восприняты китайскими читателями и до сих пор остаются в центре внимания китайских литературоведов.

Шао Сидзя и Яо Цзин (邵思佳姚璟), исследуя систему образов в рассказах В. М. Шукшина, пишут, что писатель реализует любовь и к хорошо ему знакомой сельской жизни для выражения своих мыслей и мнений и разоблачения правды и жестокости сельской жизни [3]. Например, в рассказе «Критики» дед выглядит «чудиком», который без причины смеется и без пощады критикует неискренние сцены в фильме. Конфликт происходит, когда семья смотрит телевизор, дед требует художественной правды даже в том, как актер на экране держит топор, и рассержен на усмешки гостей. В глазах окружающих дедушка выглядит странным, однако тот верен своему пониманию художественной правды и требует от искусства глубокой искренности и достоверности, и Шукшин поддерживает и понимает своего героя, выглядящего чужаковатым в глазах гостей. Конфликт между дедом и гостями перерастает в конфликт понимания правды сельскими и городскими жителями. Изменения в социальной ситуации оказали влияние на сельскую жизнь, которая долгое время находилась на переломном пункте чередования старого и нового, без определенного направления. И такое понимание делает произведения Шукшина близкими и понятными китайским читателям, пережившим подобные же процессы, навсегда изменившие сельский уклад жизни в Китае. Шукшин деликатно наблюдал за жизнью деревни, находил те значимые фигуры и нравственные качества, обрабатывал и записывал свои произведения с глубокими размышлениями о морали.

Ключевое понятие в концепции характера В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина – доброта. Быть добрыми, нравственными необходимо, полагал и писатель Шукшин, иначе не проживешь жизнь достойно.

Критики и читатели не раз обращали внимание на необычность героев В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина, на несовпадение их поведения с общепринятыми нормами. Авторы и сами ощущали необычность своих героев: *странные люди, чудаки, чудики* – так говорят о себе персонажи, так говорит о них и писатель.

Конг Линхуи (孔令慧) обращает особое внимание на «новый вид главного героя» произведений В. Шукшина, «чудаков», сопоставляя их

с главными героями в творчестве М. Горького. Но они близки нам, и все они обычные люди, которые жили давно, жизни этих людей, хоть и простые, но не смешные. «Чудаки» Шукшина – это группа людей, создавших «внутренние спектакли», которые ведут обычную и повседневную жизнь, никому не доставляя неприятностей. Окружающие видят в них странных людей, потому что они могут время от времени выделяться. Несмотря на стремление «чудиков» сделать людей лучше, они часто озадачены, отчуждены и даже враждебны. Конг Линхуи полагает, что причина конфликта «чудаков/чудиков» с окружающими в том, что у всех разное понимание вопроса «как стать лучше?». Например, конфликт между главным героем и свояченицей Зоей Ивановной в рассказе «Чудик» происходит не потому, что он не привлекает людей, а потому, что он добрый и счастливый обычный человек. Шукшин демонстрирует нам мир глазами «чудиков», и мы видим, что обычные люди завидуют, отчуждаются, безжалостны и не помогают друг другу [4, с. 16].

Одним из таких «чудиков» предстает перед нами шофер Сергей Духанин в рассказе В. Шукшина «Сапожки». Сергей купил жене сапожки, каких она и «во сне не носила». Но не подумал только, что они ей вовсе не пригодятся. Для чего эти сапожки, если на улице грязь по колено, да и не налезут они на Клавкину ногу. Расстроился Сергей и решил их бросить в колодец. Но выясняется, что подарок все-таки остался в семье: поносит их ко всеобщей радости Клавкина дочь. «Спешите делать добро, приносите радость своим близким!» – хочет нам сказать Василий Шукшин [5, с. 114].

Странности и чудачества героев бросаются в глаза лишь на фоне однообразно повторяемых будничных ситуаций. Напротив, в необычности поведения героев распознаются доброта, человечность.

«Чудики» В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина ассоциируются с коренным, истарим типом «дурака» из волшебных сказок. На примере «чудиков» писатели изображают такие черты русского национального характера, как безудержность, некоторая отстраненность от мира сего. Собственно, мировосприятие почти каждого великого художника амбивалентно, оно включает и комическое, и трагическое, определяемое формулой «как в жизни». Возьмем одного из самых известных героев Шукшина – Чудика из одноименного рассказа [5, с. 98]. Он забавен и непонятен окружающим, и мы сами невольно улыбаемся, наблюдая за его попытками вжиться в общество, сделать что-то особенное, свое для этого общества. Но, читая рассказ, мы замечаем трагедию героя, и не столько героя, сколько общества, которое в силу своей неполноценности неспособно понять и принять этого замечательного человека. Такой смех сквозь слезы, а точнее слезы через смех, возникает у читателя,

наблюдающего за Дмитрием Квасовым, который на досуге пытается изобрести вечный двигатель («Упорный»), Андреем Ериным, который обзавелся микроскопом и мечтал изобрести средство против микробов («Микроскоп»), невероятным изобретателем Брониславом Пупковым («Миль пардон, мадам!»). Но кроме синтеза комизма и трагедии, в творчестве Шукшина мы видим и иные жанры. Так, Глеб Капустин, герой рассказа «Срезал», кажется себе особенным, необычным человеком, способным «срезать» кандидата наук своим высказыванием. И снова мы улыбаемся, но за этой улыбкой скрывается иное чувство, нежели то, которое вызвал в нас «чудик». Здесь Шукшин уже идет вслед за Чеховым и Буниным, которые в своих «Злоумышленниках» и «Захаре Воробьева» показали душевную костность и ограниченность простого русского крестьянина. Таким образом, в этой истории присутствует иронический художественный прием.

В более поздних произведениях В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина появляются *герои-мыслители, философы*. Они размышляют о роли и назначении человека, о его нравственных качествах, путях совершенствования.

Вместе с тем тип героя-мыслителя, философа не является замкнутым. Некоторые персонажи, которых мы относим к «мыслителям», могут одновременно рассматриваться и в главах о «чудиках». В. Астафьев, В. Распутин и В. Шукшин на примере характеров мыслителей, философов раскрывают такие черты русского национального характера, как любовь к матери-земле, исконная привязанность души к Родине.

Русская литература всегда была знаменательна тем, что как ни одна литература в мире поднимала вопросы нравственности, смысла жизни и смерти, не обходя стороной глобальные проблемы. В «деревенской прозе» вопросы нравственности связаны с сохранением всего ценного в сельских традициях: вековой национальной жизни, уклада деревни, народной морали и народных нравственных устоев. Тема преемственности поколений, взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, проблема духовных истоков народной жизни по-разному решается у разных писателей. Творчество В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина, выдающихся русских прозаиков, особенно важно в контексте темы нравственного поиска. Их проза, их позиция значимы для всей литературы XX в. Художественным открытием авторов явилась художественно осмысленная антиномичность русского национального характера, а его носители не мыслятся писателями только как положительные типы.

«Если посмотреть на этих людей с мирским, посредственным взглядом, то они действительно “странные”; только с духовных, нравственных высот можно увидеть их красоту» [6, с. 67], настаивает С. Чжао. Действительно, нравственная забота является ключевым моментом уникального жизненного интереса В. Шукшина, и читателям

также следует смотреть на таких персонажей с точки зрения нравственной заботы, чтобы понять морально-нравственное значение «странности», «чужаковости». Повседневная реальность часто вызывает моральное недовольство и сильное стремление к лучшей жизни в будущем, и этим герои Шукшина особенно близки китайским исследователям. Художественная сила русской литературы тесно связана с нравственными ценностями. Это лучшая связь между добрым сердцем русского народа, русской литературой и жизнью, реальностью, ценностным сознанием самого человека. Русская литература – философия России, характерная для русского творческого самовыражения, и всего русского народа, указывают Шао Сидзя и Яо Цзин. В. Шукшин также глубоко понимает, что читатель живет в реальной жизни, лучше понимает жизнь, стремится быть искренним в собственном творческом процессе. Это также принцип нравственного поиска, которому Шукшин всегда следовал: нравственность ищет истину в фактах, потому что нравственный поиск – мужество, это честность, раздумья о людях и беспокойство о людях, потому что люди всегда ищут правду [3].

В произведениях В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина изображена трагическая судьба не только русской деревни, но и всего русского народа. У В. Шукшина судьба деревни, судьба человека и судьба России слились воедино. Автора волнует участь любого человека, живущего на земле. Каждый после себя должен оставить свою «межу». Что вы оставите? Дом? Дерево? Счастливых детей? Или чужую разбитую жизнь? Русский народ выдержал испытание Гражданской войной, индустриализацией, коллективизацией, Великой Отечественной войной и не раз принимал на себя такие удары, которые, казалось бы, неизбежно должны были сокрушать его крепость. Но прочность основ народного духа и плоти спасала, возрождала, поддерживала порядок.

Из таких людей, живущих нравственным поиском, и состоит народ. Характеры и коллизии, развитие В. Шукшиным в его «деревенской» летописи, помогают глубоко понять всю драму жизни, ее истоки и причины. Как отмечает А. Андреев, «национальные характеры воспроизводятся в литературе посредством образной концепции личности» [7, с. 83]. Духовно-нравственный потенциал героев В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина – носителей черт русского национального характера – раскрывается динамикой речевых характеристик, различными типами портрета и пейзажа; органично вливаясь в композицию произведения, они корректируют его структуру, способствуя целостной репрезентации

национального характера. Центральным способом национальной самоидентификации в тексте становится оригинальное авторское наполнение таких национальных русских концептов, как «дом», «тоска», «душа», «совесть», «судьба».

Проза В. Шукшина близка и интересна китайским литературоведам по причине общности нравственно-этической проблематики: произведения русских и китайских писателей посвящены вопросу выбора нравственных ценностей в период смены эпох, конфликта между традиционной культурой и техническим прогрессом, городом и деревней. Китайские литературоведы обращают особое внимание на основной посыл произведений В. Шукшина – даже в условиях изменения всех сфер человеческой деятельности под влиянием прогресса, в ситуации исчезновения традиционного аграрного общества важно не забывать опыт прошлых поколений, не отказываться от традиционных добродетелей и ориентироваться на вечные нравственные ценности. В эпоху бурного развития человеческой цивилизации этические вопросы, остро звучащие в творчестве Шукшина, остаются актуальными как для российского, так и для китайского общества. Ориентация китайских авторов на литературные традиции российских писателей во многом была продиктована стремлением интегрировать свой художественный текст в мировое литературное пространство.

Список литературы

1. Залыгин С. П. Критика, публицистика. М. : Современник, 1987. 384 с.
2. Разувалова А. «Долгие 1970-е» : канонизация русской литературной классики и писатели-«деревенщики» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dolgie-1970-e-kanonizatsiya-russkoj-literaturnoj-klassiki-i-pisateli-derevenschiki> (дата обращения: 30.10.2021).
3. 邵思佳, 姚璟. 舒克申《怪人》分析 // 名作欣赏 (Шао С., Яо Ц.). Анализ «Чужака» Шу Кешена // Оценка шедевров. 2018. Т. 30. С. 89–95).
4. 孔令慧. 浅谈舒克申笔下的怪人形象 // 农家参谋 (Конг Л. Об эксцентричных образах В. М. Шукшина. Ляонинский университет, Шэньян, Ляонин. 2017. 24 с.).
5. Шукшин В. М. Рассказы. М. : Художественная литература, 1979. 383 с.
6. Чжао С. Рецепция современной русской литературы в китайском литературоведении : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 186 с.
7. Андреев А. Н. Целостный анализ литературного произведения : учеб. пособие для студентов вузов. Минск : НМЦентр, 1995. 144 с.

Поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 12.11.2021
The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 12.11.2021